

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

«АНТИЧНАЯ ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНИЕ ВЕКА»

Сборники статей по истории древнего мира и средних веков кафедры всеобщей истории Уральского государственного университета им. А. М. Горького, вып. 1—5, под редакцией проф. М. Я. Сюзюмова, Свердловск, 1960—1966.

В 1960 г. специалисты по истории античности и средних веков впервые увидели на стендах новых поступлений научных библиотек небольшой сборник статей под названием «Античная древность и средние века», вып. I, подготовленный кафедрой всеобщей истории Уральского государственного университета и вышедший под редакцией одного из старейших и наиболее известных наших ученых-византинистов проф. М. Я. Сюзюмова. За первым выпуском последовали новые, выходявшие почти через годичные перерывы. По существу, теперь можно говорить о периодических ежегодниках по античной, византийской и средневековой истории, издаваемых Уральским университетом. К 1967 г. вышло пять выпусков, содержание и проблематика которых становились все более богатыми и разнообразными, а круг авторов — все более широким. Сборник превратился в общий орган античников, византинистов и медиевистов Свердловска и соседних областей. Становление этих сборников — в значительной мере результат трудов и энтузиазма М. Я. Сюзюмова, сумевшего вырастить и сплотить вокруг себя группу византинистов, и его ближайших сотрудников.

При всем разнообразии проблематики большим достоинством публикуемых в сборниках статей является наличие доминирующей темы, определяющей специфику свердловских сборников и привлекающей к нему внимание специалистов. Тема эта — развитие античного, византийского и средневекового города: исследования по античным городам Римской Галлии Н. Н. Беловой непосредственно смыкаются с работами М. Я. Сюзюмова и его учеников по византийским и балканским городам, труды этих византинистов со статьями Н. А. Бортника по средневековому Риму и городским движениям Италии, а также работами Е. Г. Сурова и его учеников по Херсонесу и другим позднеантичным и раннесредневековым городам Северного Причерноморья.

Выпуски сборника привлекают внимание как своими конкретно-историческими исследованиями, так и проблемно-обобщающими статьями. Большинство их основано на изучении новых публикаций источников, новых археологических материалов, новой литературы вопроса. Среди работ по античному городу особый интерес вызывают статьи Н. Н. Беловой, широко привлекающей и тщательно исследующей богатый эпиграфический и археологический материал. В серии своих статей она последовательно рассматривает большой круг проблем развития городов Римской Галлии I—II вв., особенно эволюции их муниципального строя¹, соотношение общинного и частного землевладения, роль городского землевладения²; историю городского ремесла Галлии³. Серьезного внимания заслуживают выводы автора о ведущей роли в Галлии I—II вв. городского землевладения (преобладали владения средних и даже мелких размеров, города как коллективы землевладельцев располагали обширными фондами общественных земель), о характере размещения и эволюции гончарного дела — одного из основных ремесленных производств Галлии

¹ Н. Н. Белова. Городской строй в римской Галлии в первые века н. э. — «Античная древность и средние века», вып. 1, 1960, стр. 35—58.

² Н. Н. Белова. О землевладении в галло-римских городах в первые два века н. э. преимущественно по данным эпиграфики. — Там же, вып. 2, 1963, стр. 3—30.

³ Н. Н. Белова. К истории гончарного ремесла в римской Галлии (Обзор керамических центров). — Там же, вып. 5, 1966, стр. 3—21.

той эпохи; о преобладании в нем свободного производства⁴ и т. п. Исследования Н. Н. Беловой существенно уточняют картину общего развития городов римской Галлии в I—II вв. и их роли как центров античного земледелия, ремесленного производства и торговой деятельности.

Чрезвычайно интересно (и не только для византиниста) исследование М. Я. Сюзюмова о трактате Юлиана Аскалонита, важнейшем документе о правилах и нормах строительства и градостроительства VI в. Сопоставляя имеющиеся списки трактата, анализируя вносимые в них изменения и сокращения в тесной связи с общей эволюцией социальных отношений и важнейших задач строительства и градостроительства в Византии, М. Я. Сюзюмов показал зависимость этих изменений состава трактата от реальных потребностей практической деятельности в разные периоды истории Византии. К исследованию приложен и перевод трактата по женеvской рукописи, которая, по убедительному мнению М. Я. Сюзюмова, наиболее близка к авторскому тексту⁵.

Единый комплекс представляют собой публикации и исследования археологического (прежде всего херсонесского) материала, полученного в ходе раскопок, осуществляемых авторами сборника — членами кафедры совместно с Херсонесским Государственным историко-археологическим музеем. Среди работ этого комплекса следует упомянуть ряд статей Е. Г. Суpова и Вит. Звиревича, посвященных изучению херсонесских клейм⁶, статьи В. Н. Даниленко, ставящие проблемы систематизации и типизации херсонесских надгробий⁷, а также «реконструкция отдельных семей» Херсонеса IV—II вв. до н. э. на основе изучения 285 собственных имен, известных по эпиграфическим и нумизматическим памятникам Северного Причерноморья того времени⁸. Привлекает внимание и небольшая работа И. П. Никитиной, исследующей вопросы государственного строя Боспорского царства по данным эпиграфики⁹.

В известной мере обобщающей является статья Е. Г. Суpова, суммирующая некоторые итоги работы комплексной экспедиции в 1958—1963 гг. в связи с изучением проблемы генезиса феодализма¹⁰. Автор считает археологические данные, обнаруженные в северо-западном районе города, особенно важными, поскольку этот район возник в середине или второй половине V в. н. э., «на заре феодализма», и его развитие протекало «в раннефеодальную эпоху»¹¹. Как и Е. Г. Суpов, А. Л. Яковсон также говорит об известном подъеме Херсонеса в V в.¹² Однако вывод Е. Г. Суpова о непрерывном «безусловном прогрессе в социально-экономической и культурной жизни» Херсонеса, начиная с этого времени, завершившемся «установлением феодальных отношений»¹³, нельзя признать обоснованным, ибо недостаточно ясны судьбы города в VII в.¹⁴

Некоторые вопросы экономики античного Херсонеса рассматриваются и в работе Е. Г. Суpова¹⁵, представляющей собой дополнение к монографии С. Ф. Стрелецкого¹⁶. Наиболее интересным нам представляется дополнение «о рабочей силе», в котором автор отвергает мнение, что все сельские работы выполнялись рабами. Исходя из особенностей организации сельских владений (небольшие размеры херсонесских клеров, сосредоточение всех угодий в одном месте), Е. Г. Суpов оспаривает также основанный преимущественно на данных Катона вывод о распространении института виликов в Херсонесе.

⁴ См. также Н. Н. Белова. Эпиграфические данные о характере труда в гончарном ремесле римской Галлии в I—II вв. н. э.—ВДИ, 1967, № 1, стр. 79—82.

⁵ М. Я. Сюзюмов. О трактате Юлиана Аскалонита.— «Античная древность и средние века», вып. 1, стр. 3—34.

⁶ Е. Г. Суpов. Керамические клейма из раскопок 1960 г. в Северо-Западной части Херсонесского городища.— Там же, вып. 2, 1963, стр. 1—8; Вит. Звиревич. Древнегреческие керамические клейма из Херсонеса (раскопки 1961 г.)— Там же, стр. 8—13.

⁷ В. Н. Даниленко. Опыт реконструкции херсонесского надгробия.— Там же, стр. 14—24; его же.— Херсонесские акротерии.— Там же, вып. 3, 1965, стр. 173—180.

⁸ Его же. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н. э.— Там же, вып. 5, 1966, стр. 329—336.

⁹ И. П. Никитина. Эпиграфические данные о государственном устройстве Боспорского царства в I—III вв. н. э.— Там же, вып. 4, 1966, стр. 179—195.

¹⁰ Е. Г. Суpов. Северо-западный район Херсонесского городища.— Там же, вып. 3, 1965, стр. 119—147.

¹¹ Там же, стр. 120.

¹² См. А. Л. Яковсон, in: BS, XXVI, 1965, p. 439.

¹³ Е. Г. Суpов. Северо-Западный район..., стр. 139.

¹⁴ См. BS, XXVIII, 1967, p. 199.

¹⁵ Е. Г. Суpов. К вопросу о херсонесских клерах.— «Античная древность и средние века», вып. 5, стр. 329—336.

¹⁶ С. Ф. Стрелецкий. Клеры Херсонеса Таврического. «Херсонесский сборник», вып. VI. Симферополь, 1961, вып. 3, стр. 148—167.

В некоторых статьях рассмотрение археологических данных сочетается с глубоким исследованием соответствующих письменных источников. Так, например, В. В. Кучма пришел к выводу о соответствии оборонительных сооружений Херсонеса средневековой эпохи основным требованиям важнейшего византийского военного трактата конца IX — начала X в. — «Тактики Льва». Что касается отдельных отклонений от традиционных требований военной науки, то их можно в каждом конкретном случае объяснить «спецификой местных условий»¹⁷.

Непосредственно к этой работе примыкает группа статей В. В. Кучмы, посвященных изучению эволюции военно-теоретической мысли византийцев по данным трактатов о военном искусстве, от «Византийского Анонима» и «Стратегикона» Псевдо-Маврикия до «Тактики Льва» и последующих трактатов¹⁸. С конца IX в. происходит активизация военно-теоретической мысли византийцев в связи с кризисом старых основ военной организации, базировавшейся на принципах фемного строя. Автор показывает преобладание к IX—X вв. среди тактических советов оборонительных установок. В области морально-политического «воспитания» византийского войска для этого времени характерно отсутствие религиозного фанатизма и ненависти к инаковерующим, что, видимо, должно было существенно облегчить привлечение на службу населения окраин и соседних стран, как и последующее распространение наемничества. Важна прослеживаемая автором связь между изменениями принципов организации армии с эволюцией ее социального состава в период становления феодализма.

Бессспорно заслуживает одобрения, что составители сборников привлекли к участию в нем наиболее способных студентов и аспирантов. Так, из опубликованной В. А. Сметаниным сводки терминов, применявшихся в наиболее важных византийских государственных и частноправовых документах XIII—XV вв. для обозначения различных категорий крестьян¹⁹, в дальнейшем выросли интересные исследования о свободном крестьянстве и его деклассированной прослойке в поздней Византии²⁰. Автор стремится выявить группы свободного крестьянства, его права и положение, с учетом изменяющегося реального содержания крестьянской свободы и самого ее понятия. Хотя некоторые признаки крестьянской свободы, предложенные Сметаниным, спорны²¹, работа в целом вызывает интерес. Значительно больше внимания привлекает исследование автором вопроса о «неизвестных казне» лицах. Сметанин убедительно показал, что эти юридически свободные, не внесенные ни в государственные описи, ни в частновладельческие практики, крестьяне были наиболее обездоленной в имущественном отношении частью сельского населения и являлись главным образом бывшими париками, а также — разорившимися ремесленниками. В XIII—XIV вв. их число и роль в социальной жизни Византии возрастали. Достаточно отчетливо вскрыв влияние внешнеполитических факторов на этот процесс, автор не сумел, однако, с такой же убедительностью показать значение внутренних причин как главной основы роста этой категории населения. Тем не менее исследование Сметанина способствует лучшему пониманию некоторых сторон и особенностей важнейших крестьянских и городских движений в поздней Византии.

К статьям Сметанина тесно примыкают по проблематике работы М. А. Поляковской; на обширном актовом материале поздней Византии рассматривающей эволюцию монастырского пригородного и городского хозяйства в Фессалонике и Серрах²². С конца XIII в. ускорился рост монастырских владений как в пригородах, так и в городе; в собственность монастырей переходили не только земли, но и дома, лавки, склады, мастерские. Рассматривая структуру и формы эксплуатации пригородной и городской монастырской собственности, М. А. Поляковская приходит к выводу о ее чисто феодальном характере и определяет в качестве характерной черты эволюции города того времени укрепление в нем экономического господства крупных феода-

¹⁷ В. В. Кучма. Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок «Тактики Льва». — «Античная древность и средние века», вып. 3, стр. 148—167.

¹⁸ Его же. Византийские военные трактаты VI—X вв. как источники по истории военного искусства Византийской империи. — Там же, вып. 4, стр. 31—56; его же. Методы морально-политического воздействия на византийское войско по «Тактике Льва» (к. IX в.). — Там же, вып. 3, стр. 101—118. Ср. его же. Материальная и моральная подготовка армии по «Тактике Льва». — «VII Всесоюзная конференция византинистов. Тезисы докладов». Тбилиси, 1965, стр. 15—17.

¹⁹ В. А. Сметанин. Византийское крестьянство в терминологии греческих актов XIII—XV вв. — «Античная древность и средние века», вып. 2, стр. 24—59.

²⁰ Его же. К вопросу о свободном крестьянстве в поздней Византии. — Там же, вып. 3, стр. 47—60; его же. Деклассированная прослойка в поздневизантийской деревне, вып. 4, стр. 94—135.

²¹ См. заметку А. П. Каждана. — BS, XXVIII, 1967, стр. 205—206.

²² М. А. Поляковская. Монастырские владения в Фессалонике и ее пригородном районе в XIV—XV вв. — «Античная древность и средние века», вып. 3, стр. 16—46; ее же. К вопросу о характере городской и пригородной монастырской собственности в Поздней Византии. — Там же, вып. 4, стр. 75—93.

лов. Это во многом обусловило неизбежность поражения городских движений XIV в. В целом, по мнению исследовательницы, «в византийском городе не было создано условий для формирования и роста тех социальных слоев, которые могли бы способствовать складыванию капиталистических отношений, что явилось одной из внутренних причин падения Византии»²³.

Вопросам развития поздневизантийского города посвящена и небольшая статья И. П. Медведева, в которой тщательно рассмотрены обстоятельства основания Мистры. Автор приходит к выводу о принципиально новом характере этого города, возникшего как крестовая крепость, а затем превратившегося в типичный центр феодального владения²⁴.

Проблемам византийского города в целом, его роли на разных этапах истории Византии посвящены и чрезвычайно интересные обобщающие статьи М. Я. Сюзюмова, богатые новыми мыслями и оригинальными выводами. Автор последовательно развивает идею о континуитете в развитии городов Византии. Большого внимания, на наш взгляд, заслуживает его анализ особенностей экономического положения Константинополя, определяющих своеобразие его развития как центра ремесла и торговли, а также перемены в его международной, экономической и политической роли. Автор справедливо подчеркивает социальную неустойчивость положения плебейских масс города. Однако, по-видимому, в разные периоды развития Византии их состав, положение и политическая активность не были одинаковыми и приобретали временами более или менее выраженную классовую направленность. Едва ли можно согласиться с автором, в частности, и в том, что в Византии «все социальные бедствия (курсив наш.— Г. К., В. Р.) объяснялись не устройством общества, а личными злоупотреблениями носителей власти»²⁵.

Не менее важна статья М. Я. Сюзюмова, в которой он определяет применительно к изучаемой эпохе содержание понятия «предпринимательство», его виды и этапы развития. Однако общую характеристику городского предпринимательства «в условиях феодальной формации» едва ли можно признать достаточно полной. Неясно, в чем заключалось своеобразие «предпринимательства» того времени, почему необходимо выделять его из других видов феодальной деятельности (а «предпринимателей» или лиц с «предпринимательскими наклонностями» — в особую группу), если все дело сводилось к накоплению сокровищ, к непосредственному потреблению богатств — роскоши, «на которую так жалуются моралисты средних веков»²⁶. Если ограничиться этой характеристикой, то любого феодала следует признать «предпринимателем», отличающимся от купца разве что видом деятельности.

Большая часть этой чрезвычайно интересной работы М. Я. Сюзюмова посвящена изучению эволюции различных видов предпринимательской деятельности в городе на протяжении всей истории Византии. К сожалению, автор не касается видов и форм денежного предпринимательства.

Три работы обращены к тематике западного средневековья.

Э. И. Чудиновских собрала интересный материал, характеризующий содержание, объем и направленность торгово-денежных операций в городах Далмации, а также организационные формы торговых обществ. Автор определяет экономическую основу формирования городского патрициата и намечает причины упадка далматинских городов, бывших главным образом посредническими, а не производящими центрами²⁷. Данные о связях Далмации с Италией можно было бы пополнить, обратившись к итальянским торговым книгам Пеголотти и Датини. При описании форм и структуры торговых компаний следовало бы использовать термины, характеризующие описываемые виды компаний (коменда и др.).

Опубликованная в первом выпуске статья Н. А. Бортника²⁸ с некоторыми изменениями вошла в его монографию²⁹, к краткой характеристике которой мы и обращаемся. По истории народных движений в средневековом Риме до сих пор нет крупных работ. Поэтому исследование Н. А. Бортника, осуществленное на базе глубокого изучения социально-экономической жизни папской столицы, представляет большой интерес. Автор скрупулезно собирал разрозненные данные о состоя-

²³ М. А. Поляковская. Монастырские владения..., стр. 24; см. е е же. К вопросу о характере..., стр. 82

²⁴ И. П. Медведев. Основание города Мистры.— Там же, вып. 4, стр. 57—74.

²⁵ М. Я. Сюзюмов. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе.— Там же, вып. 3, стр. 5—16. См., например, заметку А. П. Каждана: — BS, XXVIII, стр. 205.

²⁶ М. Я. Сюзюмов. Предпринимательство в византийском городе.— «Античная древность и средние века», вып. 4, стр. 2—30.

²⁷ Э. И. Чудиновских. Торговое население далматинских городов в XII—XIII вв.— Там же, вып. 3.

²⁸ Н. А. Бортник. Народные движения в Риме во второй половине XIII—начале XIV веков (1261—1306 гг.).— Там же, вып. 1.

²⁹ Н. А. Бортник. Народные движения в Риме (1143—1343 гг.).— Там же, вып. 5.

нии римского ремесла и эволюции римского цеха, о применении наемного труда, об аграрной политике и практике города на Тибре. Автор приходит к выводу, что Рим был также производящим, а не исключительно потребительским центром. Правда, увлекшись полемикой, Н. А. Бортник излишне категоричен в требовании пересмотра тезиса об экономической отсталости Рима.

Автор собрал ценные данные о народонаселении Рима, основываясь на Туринском каталоге римских церквей XIV в. и на материалах переписи 1627 г. (отметим, впрочем, что второй источник отдален от изучаемой эпохи почти на два столетия). Автор справедливо видит слабость римских корпораций в их зависимости от папского камерария.

Центральной проблемой исследования являются народные движения. Изучены самый их ход (от глухих конфликтов до открытых восстаний), мотивы, программы и результаты, показано сложное переплетение интересов плебейства, бюргерства и дворянства в условиях жизни такого специфического центра, как папская столица. Специальное внимание уделено рассмотрению термина «народ»: включение в это понятие не только плебса и ремесленников, но и купечества на определенном этапе, особенно в период борьбы с дворянством, достаточно обосновано. Многие эпизоды социальной борьбы в Вечном городе впервые получили убедительную оценку, как, например, период правления Бранколеоне д'Андоло.

Немало страниц уделено и малоизвестной истории успешной борьбы римских попованов на коммуны. Н. А. Бортнику удалось установить более точные хронологические рамки существования Римской коммуны. В работе дана систематическая критика буржуазной историографии, хотя и не всегда достаточно обоснованная: так, например, справедливо заявляя, что значительная часть буржуазных историков принижает роль народных движений или замалчивает их, автор слишком категорично говорит об отсутствии внимания к этой теме в буржуазной литературе вообще (достаточно напомнить хотя бы о работах Н. Родолико, К. Бонги и других исследователей, хорошо известных Н. А. Бортнику). Автор вводит термин «популус», хотя в нашей литературе для этой эпохи давно уже утвердился термин «пополаи», «пополанство», имеющий четкое историческое содержание и не античное, а средневековое звучание. Н. А. Бортник несколько снижает значение античных политических традиций, как реального фактора римской истории. Наконец, нам представляется необходимым, чтобы восстанию Кола ди Риенцо при изучении народных движений середины XIV в. уделялось больше внимания, ибо оно весьма показательное для решения именно тех проблем, которые поставлены Н. А. Бортником.

В заключение следует сказать о недостатках выходящих за рамки собственно научной критики. Большое количество опечаток и неточностей в выпусках сборников свидетельствует, к сожалению, о низкой издательской и типографской культуре.

Г. Л. Курбатов, В. И. Ругенбург

И. Ф. Ф И Х М А Н. ЕГИПЕТ НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ.

Ремесленники и ремесленный труд в IV — середине VII в. М., 1965

Проблема социально-экономической истории Византии IV — VI веков неоднократно рассматривалась в исследованиях советских и зарубежных специалистов. Они и сейчас продолжают оставаться в центре внимания историков Византии. Это неудивительно. Начало средневековья как на Западе, так и в Византии ставит много сложных и глубоких проблем, решение которых наталкивается на значительные, порой непреодолимые трудности из-за недостатка личной документации. Отсутствие документации для того времени во всех частях Византии за исключением Египта, естественно, привлекает особое внимание к этому району. Вместе с тем, до сих пор за единичными исключениями исследования папирологических материалов византийского Египта не были сосредоточены на изучении вопросов ремесленного производства и производственных отношений в ремесле. Изучались главным образом аграрные отношения. Совсем мало сделано и в области изучения истории египетского города византийского времени. Эта лагуна тем более бросается в глаза, что до нас дошли ценные и разнообразные памятники египетского ремесленного производства византийского времени. Коллекции этого рода украшают собрания многих музеев и, в частности, Гос. Эрмитажа.

В 1965 г. почти одновременно вышли в свет две книги советского и польского исследователей, посвященные специально изучению египетского ремесленного производства¹. Рецензируемая здесь книга И. Ф. Фихмана рассматривает вопросы ремесленного производства в широком плане. Книга польской исследовательницы Е. Випшицкой посвящена специально изучению текстильного производства римского Египта с привлечением папирологического материала византийского времени.

¹ И. Ф. Ф и х м а н. Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV — середине VII в. М., 1965; Е. W i p s z u c k a. L'industrie textile dans l'Égypte romaine. Wrocław — Warszawa — Krakow, 1965.